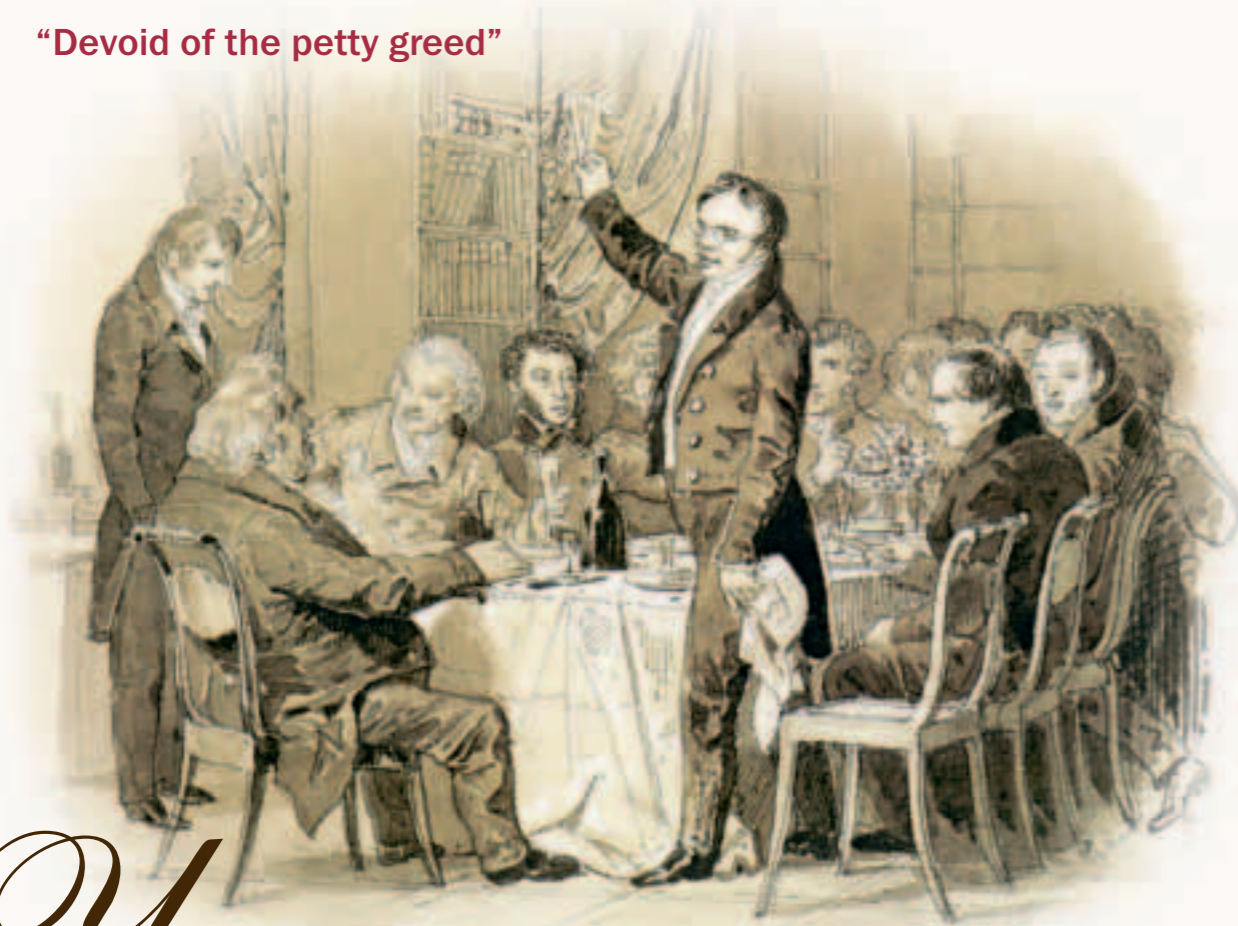

В пятницу 19 февраля 1832 года, около пяти часов пополудни, известный литератор Николай Иванович Греч ехал в санях по Большой Морской улице. На углу с Невским попросил пофидержать. Чувство сентиментальное: все-таки прожил здесь, в доме купца Косиковского, не один год... Да и как не раскланяться с бывшими соседями? Ведь у подъезда как раз стояли вдова Плюшар и ее сын Адольф Александрович, владельцы знаменитой в Петербурге типографии, где, кроме всего прочего, печатались и сочинения самого Греча...

On Friday 19 February 1832, around five in the afternoon, the well known man of letters Nikolai Ivanovich Gretsches was travelling in a sledge along Bolshaya Morskaya Street. On the corner of Nevsky Prospekt he asked the driver to pull back on the reins. A feeling of nostalgia came over him: he had after all lived here, in the merchant Kosikovsky's house, for a number of years... And how could he not exchange nods with his former neighbours? Because there just happened to be standing by the entrance the widow Pluchart and her son Adolphe Alexandrovich, the owners of the famous St Petersburg printing house, that among much else printed Gretsches's own works...

“Devoid of the petty greed”

«Обед по поводу открытия нового книжного магазина Смирдина». Эскиз Александра Брюллова для титульного листа альманаха «Новоселье». Сепия, тушь. 1832—1833 годы.

Граф Дмитрий Хвостов прочел строки, посвященные хозяину:
 «Угодник русских муз,
 свой праздный юбилей,
 Гостям шампанское
 для новоселья лей;
 Ты нам Державина,
 Карамзина из гроба
 К бессмертной жизни
 вновь воззвал...»

The Banquet Marking the Opening of Smirdin's New Bookshop. Alexander Briullov's sketch for the title page of the anthology House-Warming. Sepia and India ink. 1832—33.

Николай ГОЛЬ / by Nikolai GOL

«Чуждый грошовой алчности»

Но куда же это собрался разодетый по праздничному господин Греч? Да уж ясно куда: на торжество по поводу открытия новой книжной лавки Александра Смирдина!

Самых Плюшаров не пригласили, но тут, помилуй бог, ничего личного: отношения у владельцев типографии со Смирдиным сложились самые приятные и близкие; он, как издатель, сотрудничал с ними уже несколько лет, нередко заходил в гости на Большую Морскую, — но в этот раз на праздничный обед званы были только литераторы.

Сани Греча покатили дальше по Невскому — к правому флигелю лютеранской церкви Петра и Павла, отстроенному лишь недавно, где, по словам современника, «помещаются магазины: лучших шляп Циммермана, отличных ситцев Битепажа, косметический Герке, нотная лавка и музыкальная и, наконец, книжный магазин почтенного нашего книгопродавца Александра Филипповича Смирдина».

«Из подвалов в чертоги»

Раньше его магазин располагался на Мойке у Синего моста, был он среди читающей публики довольно широко известен, однако новый поражал воображение посетителей своим великолепием. Все признавали, что это первая в России книжная лавка, устроенная по европейскому образцу. Нижний этаж был отдан собственноручно торговле; «книги в богатых

Александр Смирдин родился в Москве в 1795 году. Детство и юность провел в книжной лавке своего дяди Петра Ильина, а затем служил приказчиком у петербургского книгопродавца Василия Плавильщикова, который поручил ему ведение всех своих дел, а перед смертью завещал ему право выкупить все свое дело по той цене, которую он считает справедливой.

Александр Смирдин. Портрет, гравированный на стали. Середина XIX века.

Alexander Smirdin was born in Moscow in 1795. His childhood and youth were spent in the bookshop of his uncle Piotr Ilyin. Then he worked as an assistant in Alexander Shiriayev's large bookshop. In 1817 he became a salesman for the St Petersburg bookseller Vasily Plavilshikov who entrusted the running of the business entirely to him and at his death granted him the right to buy it at a price that he (Smirdin) considered fair.

Alexander Smirdin. Portrait engraved on steel. Mid-19th century.

переплетах, — писала газета «Северная пчела», — стоят горделиво за стеклом в шкафах красного дерева, и вежливые приказчики, руководствуясь покупавших своими библиографическими сведениями, удовлетворяют потребность каждого с необыкновенной скоростью».

Над магазином, в бельэтаже, была устроена большая библиотека, насчитывавшая к 1832 году более 12 тысяч названий — почти полный репертуар русских книг гражданской печати. Библиотека была более или менее доступной: «Желающие пользоваться чтением книг благоволят подписаться и платить: за целый год — 30 руб., за полгода — 20, за три месяца — 12, за один месяц — 5 руб.».

II

But where could Gretsches be going, dressed up in his festive best? The answer was clear: to the celebration marking the opening of Alexander Smirdin's new bookshop!

The Plucharts had not been invited, but there was nothing personal in that (God forbid): the owners of the printing house enjoyed close friendly relations with Smirdin. As a publisher he had been using their services for several years already and quite often visited their home on Bolshaya Morskaya. On this occasion, though, the celebration dinner was for writers only.

Gretsches's sledge continued on along Nevsky Prospekt — to the recently constructed right-hand building of the Lutheran Church of SS Peter and Paul complex that, contemporaries noted, housed several retailers: “Zimmermann's finest hats, excellent calicos from Bietepage, Gerke's cosmetics, a shop selling sheet music, another selling musical instruments, and, finally, the shop of our much-respected bookseller Alexander Filippovich Smirdin.”

“FROM THE CELLARS TO THE UPPER HALLS”

His previous shop had been on the Moika, by the Blue Bridge, and was quite well known

among the reading public, but the new one amazed visitors with its splendour. Everyone acknowledged that this was the first bookshop in Russia constructed after the European pattern. The ground floor was devoted to the actual retail trade. “Books in rich bindings stand proudly behind glass in mahogany cases,” the *Severnaya Pchela* [Northern Bee] newspaper reported, “and polite assistants, guiding the customers with their bibliographical information, meet the requirements of each with exceptional speed.”

Above the shop, on the first floor, a large library was created that by 1832 possessed more than 12,000 titles — almost a complete collection of secular Russian printed books. The library was more or less generally accessible: “Those wishing to read the books are pleased to subscribe and pay: for a full year 30 roubles, for half a year 20, for three months 12 and for one month 5 roubles.”

Very importantly, the members could take books home. Even more importantly, Alexander Filiopovich published and continually updated a *Register of Russian Books* in his bookshop and a *Catalogue of Russian Books for Reading from Alexander Smirdin's*

«В лавке А. Ф. Смирдина на Невском проспекте». Эскиз Андрея Сапожникова для титульного листа альманаха «Новоселье». 1833—1834 годы. Магазин Смирдина собирал в своих стенах почти весь петербургский боомод.

In Smiridin's Shop on Nevsky Prospekt. Sketch by Andrei Sapozhnikov for the title page of the anthology House-Warming. 1833—34. Smiridin's shop became an attraction for almost all of St Petersburg's beau-monde.

Книги, что очень важно, выдавались на дом. А что еще важнее, Александр Филиппович издавал, постоянно дополняя, «Рестр русским книгам» своей книжной лавки и «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина». «Смирдин был первым основателем русской практической библиографии, — будет сказано через четверть века в книге, посвященной его памяти. — До сих пор мы не имеем ничего подобного».

Великолепный магазин. Богатейшая библиотека. Исчерпывающая «роспись»... Нельзя не согласиться с «Северной пчелой»: «Сердце утешается при мысли, что,

наконец, и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги. Это как-то воодушевляет писателей».

«ПУСТЬ ПЛАТИТ И ЗА ТОЧКИ!»

Еще, конечно, их воодушевляли непривычные для России правила, которые ввел Смирдин-издатель в отношения с авторами. Журналист и драматург Петр Юркевич вспоминал: «С горячей любовью к своему делу, чуждый купеческой грошовой алчности, он первый стал щедро вознаграждать авторов, не торгуясь из-за пяточка».

Да и то: Ивану Крылову за десятилетнее право на печатание его басен Александр Филиппович заплатил совершенно баснословную (да простится невольный каламбур) по тем временам сумму — 40 тысяч рублей, Александру Пушкину за переиздание «Бахчисарайского фонтана», «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилы» — 10 тысяч. За переиздание!

Литературный труд, считавшийся до той поры забавой, по словам критика

Ниже. «Крылов, Пушкин, Жуковский и Гнедич в Летнем саду». С картины Григория Чернецова. 1832 год. Групповой портрет писателей являлся этюдом к картине «Парад на Царицыном лугу», но приобрел значение самостоятельной картины, неоднократно литографированной.

Below. Krylov, Pushkin, Zhukovsky and Gnedich in the Summer Garden. From a painting by Grigory Chernetsov. 1832. This group portrait of the writers was a study for the painting A Parade on the Tsarina's Meadow, but acquired the status of a work in its own right and was repeatedly lithographed.

12

Library. "Smirnov was the founding-father of Russian practical bibliography," a book devoted to his memory would declare a quarter-century later. "Until today we have nothing comparable."

A splendid shop. An extremely rich library. An exhaustive catalogue... We must agree with the *Severnaya Pchela*: "The heart is consoled by the thought that at last our Russian literature is being honoured and has moved from the cellars to the upper halls. This has somehow inspired writers."

“LET HIM PAY FOR THE DOTS AS WELL!”

They were, of course, also inspired by the rules, unusual for Russia, that Smiridin established for his authors. The journalist and playwright Piotr Yurkevich recalled: "With an ardent love of his business, devoid of the merchant's petty greed, he became the first to generously reward authors, not haggling over every five-kopeck coin."

13

Виссариона Белинского, «сделался капиталом». Так в России возникло сословие профессиональных писателей.

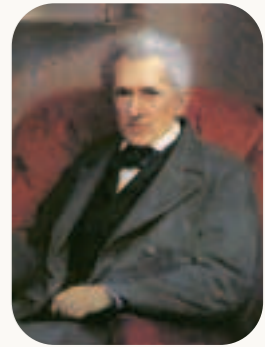
Но как при этом не остаться в убытке? Смирдин нашел выход: книги он издавал огромными по тем временам тиражами и потому смог снизить продажную цену. В результате его продукцию стали быстро и охотно покупать. Раньше высшее общество потребляло почти исключительно французские книги, купечество совсем ничего не читало, в народе пользовались популярностью разве что лубочные картинки... Смирдин же «задался целью распространять сочинения русских авторов» и так в том преуспел, что Белинский с полным основанием заявил: «Я насчитал четыре периода нашей литературы; остается упомянуть еще о пятом, который можно и должно назвать смирдинским».

До поры до времени цепочка «гонорар-тираж-спрос» работала безотказно. Как скрупулезно подсчитал библиофил Николай Смирнов-Сокольский, за сорок лет издательской работы Александр Филип-

пович выпустил печатной продукции более чем на три миллиона золотом, гонорарами же выплатил около полутора миллионов. Почти половину.

«Смирдин, — записал в дневнике Александр Никитенко, цензор, вхожий в самые широкие творческие круги, — истинно честный и добрый человек, но, что всего хуже для него, не имеет характера. Наши литераторы владеют его карманом, как арендою. Он может разориться по их милости».

Иногда финансовые претензии, предъявляемые к Смирдину, были попросту анекдотическими и смехотворными. «Милостивый государь! С некоторого времени я замечаю в себе решительный поэтический талант... Я нахожу в себе довольно силы и бодрости петь стихами все прекрасное... Для получения денег за сии стихи, не имея времени по причине тяжких департаментских работ, прошу переслать мне оные по 5 руб. асс. за строчку на мое имя... Засим честь имею свидетельствовать мое неизмеримое почтение, с каковым и пребываю и пр. Иаков Пищ».

Sometimes the financial claims made on Smiridin were simply ridiculous and absurd.

“Dear Sir, For some time now I have noted a decided poetic talent in myself... I find in myself enough strength and cheer to sing verses ever more beautiful... To receive money for these verses, since I have no time on account of hard work in the department, I ask you to send 5 roubles paper money per line in my name... I have the honour to assure you of my immeasurable respect, Yakov Pishch.”

Вверху. Александр Никитенко, историк литературы, профессор Петербургского университета и действительный член Академии наук, цензор, происходил из крепостных крестьян. Портрет работы Ивана Крамского. 1877 год. Ниже. «Панорама Невского проспекта. Левая сторона». Фрагмент раскрашенной литографии П. Иванова по рисунку Василия Садовникова. 1835 год.

Top. Alexander Nikitenko, literary historian, professor of St Petersburg University and full member of the Academy of Sciences, and official censor came from a family of peasant serfs. Portrait by Ivan Kramskoi. 1877.

Below. Panorama of Nevsky Prospekt. The Left Side. Detail of the tinted lithograph by P. Ivanov after the watercolour by Vasily Sadovnikov. 1835.

Пророчество Александра Никитенко сбылось: Смирдин разорился. Прежде всего, сказался общий кризис в книжной торговле, вызванный резким увеличением книгопродавцев и издателей, многие из которых были людьми случайными. Неблагоприятная конъюнктура, обман со стороны партнеров и софудников довели его в конце концов до полнейшего разорения.

Одним из виновников этого оказался владелец типографии Адольф Плюшар, издававший «Энциклопедический лексикон». Под поручительство Смирдина Плюшар взял в банке крупную сумму для этого многотомного издания, но не смог ее выплатить. Смирдину пришлось компенсировать банку 100 тысяч рублей, продать типографию, отказаться от выпуска журнала...

Николай Греч — журналист, филолог и педагог. Издавал журналы «Гений времени», «Журнал новейших путешествий», «Сын Отечества», совместно с Фаддеем Булгариным — «Северную пчелу». Преподавал русский язык, писал учебную литературу и книги по истории русской литературы, служил в цензурном комитете и в Министерстве финансов. Поддерживал отношения с декабристами. После смерти Греча были изданы его «Записки о моей жизни».

Гравюра по рисунку Орловского. Около 1850 года.

14

Nikolai Gretschi was a journalist, philologist and teacher. He published the periodicals *Genii vremeni*, *Zhurnal noveisjikh puteshestvii*, *Syn otechestva* and, together with Faddei Bulgarin, *Severnaya pchiola*. He taught Russian, wrote textbooks and books on the history of Russian literature, as well as serving on the censorship committee and in the ministry of finance. He maintained relations with the Decembrists. After Gretschi's death his *Notes on My Life* were published.

Engraving after a drawing by Orlovsky. Circa 1850

That was an understatement: for the right to publish Ivan Krylov's fables for a period of ten years Alexander Filippovich paid what was then the absolutely fabulous (excuse the pun) sum of 40,000 roubles. For the republication of *The Fountain of Bakchiserai*, *The Prisoner of the Caucasus* and *Ruslan and Ludmila* he paid Pushkin 10,000 roubles. For republication!

Literary work that hitherto had been regarded as an amusing pastime, "became capital" in the words of the critic Vissarion Belinsky. And so a class of professional writers appeared in Russia.

But how did he manage to avoid making a loss? Smirdin found a way: he published

И привел такой пример: в цензурном комитете из пушкинской поэмы «Андже-ло», предназначенной для издания Смирдиным, было изъято несколько строчек. Александр Сергеевич «взбесился и потребовал, чтобы на место исключенных стихов были поставлены точки» — тогда тезке его Филипповичу все-таки придется уплатить и за изъятое. «Смирдин платит ему за каждый стих по червонцу». Пусть и за точки платит тоже!

Иной случай подобного рода приводит в воспоминаниях Авдотья Панаева — мемуарист не всегда точный, но в данном случае речь идет о записанном по горячим следам рассказе самого Смирдина: «Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит: „Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет вас видеть“».

Пушкин провел Смирдина в комнату Натальи Николаевны, а сам ушел.

«„Входите, я тороплюсь одеваться, — сказала она. — Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых, вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесете деньги, тогда и получите рукопись. Прощайте“».

— Что ж, принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

books with huge print-runs for the period and so he could bring down the selling price. As a result people bought them like hot cakes. Earlier the social elite had read almost exclusively French books; the merchant class read nothing at all; and the common people had no interest for anything beyond *lubok* prints... Smirdin "set himself goal of distributing the works of Russian authors" and succeeded so well that Belinsky declared with every justification that "I have counted four periods in our literature. It remains to mention the fifth, that can and should be called the Smirdin era."

For a time the advance-print-run-demand scheme worked smoothly. As the bibliophile Nikolai Smirnov-Sokolsky painstakingly calculated, in forty years of work as a publisher Alexander Filippovich issued printed products to the value of more than three million gold roubles, while paying around 1½ million to the authors. Almost half the amount.

"Smirdin is a truly honest and kindly man," Alexander Nikitenko, a censor who was welcome in the broadest creative circles, confided to his diary, "but to his own detriment he lacks character. Our men of letters

Страницы книги Николая Греча «Записки о моей жизни» издания А. С. Суворина. 1886 год. Места, вычеркнутые цензурой, заменены точками.

Pages from Nikolai Gretschi's *Notes on My Life*, published by A.S. Suvorin. 1886. The passages deleted by the censor have been replaced by dots.

— Как же было не принести такой даме? — отвечал Смирдин».

Сам Александр Филиппович был женат на женщине простой, почти неграмотной, — да ему, выходящему из мелких московских торговцев, получившему трехклассное образование и лишь в 1824 году записанному в Санкт-Петербургское купечество, большего и не полагалось.

ЛИТЕРАТУРНОЕ «НОВОСЕЛЬЕ»

Однако не всякому литератору Смирдин старался угодить: общепризнанные гении получали у Александра Филипповича куда более значительные гонорары, чем пока еще не столь признанные. Бывали и обиженные. Один из таких «обиженных» писал своему другу Василию Жуковскому: «Я Смирдина не осуждаю безусловно; он поступал с другими хорошо, но со мною всегда жидовским образом. Я с Смирдиным не хочу иметь сношений».

Наталья Николаевна Пушкина (в девичестве Гончарова). Рисунок Александра Пушкина.

Natalia Nikolayevna Pushkina (née Goncharova). Drawing by her husband Alexander Pushkin.

15

Alexander Nikitenko's prophecy came true: Smirdin went bankrupt. Above all this was due to a general crisis in the book trade caused by an abrupt increase in the number of booksellers and publishers, many of whom entered the business by chance. The unfavourable state of the market plus dishonesty by business partners and staff finally brought him to complete ruin. One of those responsible was Adolphe Pluchard, the owner of the printing house and publisher of the Encyclopaedic Dictionary. With Smirdin acting as guarantor, Pluchard took a large loan from a bank for this multi-volume project and was unable to repay it. Smirdin had to compensate the bank 100,000 roubles, sell his print shop and abandon the publication of a periodical.

Выше. «Пушкин и Онегин на берегу Невы». Рисунок Александра Пушкина. 1824 год.

Above. *Pushkin and Onegin on the Bank of the Neva*. Drawing by Alexander Pushkin. 1824.

treat his pocket as if they had a lease on it. He may be bankrupted by their attentions."

He cited this example: the censorship committee excluded a few lines from Pushkin's poem *Angelo* that Smirdin was due to publish. Alexander Sergeyevich "was furious and demanded that dots be inserted in place of the banned lines," then Alexander Filippovich would still have pay him for what had been censored. "Smirdin pays him ten roubles for every line." Let him pay for the dots as well!

A LITERARY "HOUSE-WARMING"

But Smirdin was not as generous towards all his authors: the generally acknowledged geniuses received far larger emoluments from Alexander Filippovich than those who had yet to win public recognition. There were some who took offence. One of these wrote to his friend Vasily Zhukovsky: "I absolutely refuse to discuss Smirdin. He has behaved well towards others, but always in a miserly manner to me. I do not wish to have dealings with Smirdin."

That letter is, however, dated 1840; while at the "house-warming" held in February 1832 its

Впрочем, письмо это датируется 1840 годом, а на торжествах, состоявшихся 19 февраля 1832 года и получивших название «новоселья», отправитель письма присутствовал. Его имя есть в списке гостей, опубликованном в «Северной пчеле» («по азбучному порядку для избежания всякой другой ранжировки»): Н. В. Гоголь-Яновский...

Описывалось в журнале и само торжество: «Обеденный стол накрыт был в большой зале библиотеки, посреди шкапов, наполненных произведениями нашими и наших предшественников. В шестом часу сели за стол, пестрым строем. Любопытно и забавно было видеть здесь противников, выражающих друг другу чувство уважения и приязни: страстные уверения, взаимные обещания, невинные остроты искрились, как шампанское в бокалах».

Создав сословье профессиональных литераторов, Смирдин хотел превратить свой книжный магазин в своеобразный писательский клуб, всех сдружить и помирить. Первое, в общем, получилось, второе — не вполне. Не тот писатели народ, чтобы жить дружно. И не каждый из них, кстати, способен понимать невинные остроты.

Портрет Николая Гоголя. Офорт Виктора Боброва по рисунку Эммануила Дмитриева-Мамонова. 1886 год. Гоголь был одним из авторов альманаха «Новоселье».

Portrait of Nikolai Gogol. Etching by Victor Bobrov after a drawing by Emmanuil Dmitriyev-Mamonov. 1886. Gogol was one of the authors of the anthology House-Warming.

Слева. Первый выпуск журнала «Библиотека для чтения», открывшего эпоху «толстых» журналов в России. 1834 год.

Left. The first issue of the Reading Library that began the era of thick periodicals in Russia. 1834.

Слева. Первое издание комедии Николая Гоголя «Ревизор», отпечатанное в типографии Адольфа Плюшара. Книга вышла в свет в день премьеры пьесы в Александринском театре (19 апреля 1836 года) и продавалась в фойе.

Left. The first edition of Gogol's comedy *The Inspector General*, printed in Pluchard's printing house. The book came out on the same day as the play had its premiere in the Alexandrinsky Theatre (19 April 1836) and was sold in the foyer.

Редактором журнала был приглашен профессор Санкт-Петербургского университета и литератор Осип Сенковский (псевдоним Барон Брамбеус), которому было назначено необычно большое для того времени жалованье в 15 тысяч рублей. Разделение функций между издателем и редактором было новшеством в русской журналистике. Смирдин также впервые в России ввел твердый авторский гонорар — 200 рублей за лист, для знаменитых писателей до 1000 рублей и выше. За согласие известных писателей указать свое имя в списке сотрудников Смирдин также платил. «Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод» выходил с исключительной точностью 1-го числа каждого месяца.

Во второй год издания у журнала насчитывалось пять тысяч подписчиков, спустя два года — семь тысяч. Большой тираж позволял удерживать сравнительно невысокую плату за подписку — 50 рублей за год. В 1834–1835 годах соредактором журнала был Николай Греч.

«Нам с Булгариным, — вспоминал о смирдинском «новоселье» Греч, — довелось сидеть так, что между нами сидел Василий Николаевич Семенов, старый лицеист, почти однокашник Александра Сергеевича».

Обратив на это внимание, Пушкин крикнул с другой стороны стола: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофа!» — то есть оказался между двух разбойников.

«Я, — продолжает Греч, — хохотал, разумеется, громче всех». Булгарин же «пришел в совершенное нравственное расстройство и задыхался от бешенства».

Были и другие случаи неполного взаимопонимания, но, в целом, «веселость, откровенность, остроумие и безусловное братство одушевили сие торжество». Под конец вечера присутствующие единодушно решили, что каждый подарит Смирдину в честь праздника какое-нибудь свое произведение, а он составит из них альманах.

Сказано — сделано. Первая часть альманаха «Новоселье» вышла в 1833 году, вторая — в следующем. Обе они были отпечатаны в типографии вдовы Плюшар с сыном, Большая Морская улица, 14.

Там же годом позже стали печататься номера очередного смирдинского предприятия — «Библиотеки для чтения», первого русского «толстого» журнала с разделами самого разнообразного содержания. «Охотников подписаться на новое издание, — отмечает современник, — по-

«Когда к вам ни придешь, То литераторов всегда у вас найдешь И в умной дружеской беседе Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде». В этом четверостишии Смирдину польстил писатель и баснописец Александр Измайлов, собрание сочинений которого в 1849 году (уже после смерти автора) выпустил Смирдин. Портрет работы неизвестного художника. 1809 год.

явилось у магазина Смирдина такое множество, что для водворения порядка в толпе потребовалось вмешательство полиции». Всего же подписной тираж «Библиотеки для чтения» доходил до ошеломляющих пяти тысяч экземпляров. Не обошлось, правда, без невинных острот. Князь Петр Вяземский язвил: «Самое заглавие — нелепость. Для чего же еще может служить библиотека? После этого можно сказать — карета для езды».

ПАМЯТНИК «НА СЛОВАХ»

Смирдин хоронили 19 сентября 1857 года на Волковском кладбище, в приделе церкви Спаса Нерукотворного. Один из

«No matter when one calls on you One's bound to find a writer or two, And conversation so smart and sweet That sometimes one even forgets to eat.»

This flattering quatrain was addressed to Smirdin by the writer and fabulist Alexander Izmailov, whose collected works Smirdin published (posthumously) in 1849. Portrait by an unknown artist. 1809.

17

The person invited to edit the periodical was Osip Senkovsky, a professor at St Petersburg University and a man of letters (under the pen-name Baron Brambeus). He was given an unusual high salary for the time — 15,000 roubles. Separation of the functions of publisher and editor was something new in the Russian periodical press. Smirdin was also the first in Russia to introduce fixed fees for authors — 200 roubles for 40,000 characters, but 1,000 roubles and more for famous writers. Smirdin also paid prominent writers for agreeing to their names being included in the list of contributors.

The “magazine of literature, the sciences, the arts, industry, news and fashions” came out with exceptional regularity on the first of each month.

In its second year of publication, the periodical had 5,000 subscribers; two years later there were 7,000. The large print-run made it possible to keep the subscription down to a relatively low 50 roubles a year.

In 1834–35 Nikolai Gretsck was a co-editor of the Reading Library.

author was present. His name figures in the guest list that the *Severnaya Pchela* published (“in alphabetical order to avoid any other sort of ordering”): N.V. Gogol-Yanovsky.

The newspaper also gave a description of the event: “The dining table was laid in the large hall of the library, among the bookcases filled with our own works and those of our predecessors. After five we sat down to dine, a motley company. It was curious and amusing to see opponents here expressing feelings of respect and goodwill towards each other: passionate assurances, mutual promises and innocent witticisms sparkled like the champagne in the glasses.”

Having created a caste of professional men of letters, Smirdin wanted to turn his bookshop into a sort of writers’ club, to bring them all together in a spirit of reconciliation. He generally managed the first part of this aim, but was less successful with the second. Writers are not the kind of people to get along amicably. And not all of them are capable of appreciating “innocent witticisms”.

“Bulgarin and I,” Gretsck wrote, recalling Smirdin’s house-warming, “ended up sitting

Карикатура неизвестного художника на Фаддея Булгарина с подписью: «Что, если этот нос крапиву нюхать станет? Крапива, кажется, завянет». 1820—1830-е годы.

A caricature of Faddei Bulgarin by an unknown artist captioned “What if this nose were to sniff stinging nettles? The nettles will wilt, of course.” 1820s—30s.

ораторов закончил надгробную речь двумя стишием:

*Мы славный памятник по Смирдину имеем.
Хоть был он книжником,
но не был фарисеем.*

Сочинено, не поспоришь, отлично. Но что же за памятник имелся в виду? Никакого зримого изваяния издатель не удостоился. Даже на приличное надгробие у семерых его детей денег не было. Долга за ним осталось 500 тысяч ассигнациями. «Под старость я остался гол как сокол, это всем ведомо», — говорил он незадолго до смерти.

Ушли с торгов книжная лавка, склады, собственная типография, квартира (вы-

Фасад дома № 22 на Невском проспекте, где находилась лавка Смирдина. Фотография Карла Буллы. Начало 1900-х годов. «В верхнем жилье, над магазином, в обширных залах устраивается библиотека для чтения, первая в России по богатству и полноте. Все напечатанное по-русски находится у г. Смирдина, все, что вперед будет напечатано достойного внимания, без всякого сомнения, будет у г. Смирдина прежде, нежели у других, или вместе с другими...» — писала газета «Северная пчела» в 1831 году.

The façade of 22, Nevsky Prospekt, where Smirdin had his shop. Photograph by Karl Bulla. Early 1900s. "In the upper apartment, above the shop, a reading library is being installed in spacious halls, the foremost in Russia for wealth and completeness. Everything printed in Russian can be found at Mr Smirdin's; everything noteworthy that is printed henceforth will undoubtedly be at Mr Smirdin's before anyone else has it or at least at the same time..." the *Severnaya Pchiola* newspaper wrote in 1831.

носили Смирдина из более чем скромного жилища в Песках). Дольше всего он боролся за библиотеку — но и ее, в конце концов, пришлось продать, это сделали уже наследники. Вот о чем не догадывался князь Вяземский: не только для чтения, но и для покрытия долгов может при случае служить библиотека. (Теперь некоторая часть ее, пройдя череду продаж, находится в Чехии.)

Литературное сообщество позапрошлого века не оказалось, в общем и целом, неблагодарным. Еще в 1856 году начался сбор материалов для благотворительного трехтомника, доходы от которого пошли бы на помощь Смирдину. Но тома появи-

лись только в 1858-м, и на титульном листе значилось: «Издание петербургских книгопродавцев на пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооружение ему памятника».

Сборник расходился плохо. Многие литераторы, чьи громкие в те годы имена могли бы содействовать увеличению спроса, — Некрасов, Тургенев, Григорович, Курочкин, Салтыков-Щедрин, — хоть и анонсировали свое участие, но слова не сдержали. Редактор трехтомника Александр Тихменев с плохо скрытыми обидой и сарказмом писал в предисловии: «Мы смеем думать, что не что иное, как живые вопросы современности, которым литература наша отдалась с благородным увлечением, отвлекли наших писателей от обещанного участия в сборнике».

Он, конечно, не хуже нашего понимал, в чем тут дело: демократы не хотели оказываться под одной обложкой с одиозными Николаем Гречем, Осипом Сенковским, Рафаилом Зотовым. Не желали писатели дружно участвовать даже в самом что ни на есть великодушном начинании. Снова памятника не вышло...

Прошло еще 80 лет. В 1938 году здание кладбищенской церкви Спаса Нерукотворного приспособили для литейных работ, и оно стало главным корпусом завода «Монументскульптура». Здесь изготавливались памятники — но не Смирдину. Останки погребенных в приделе храма перенесли в общее захоронение. Так что

19

have helped to increase demand — Nekrasov, Turgenev, Grigorovich, Kurochkin, Saltykov-Shchedrin — declared that they would participate but failed to do so. With poorly concealed resentment and sarcasm Alexander Tikhmenev, the editor of the anthology, wrote in his foreword: "We venture to imagine that nothing other than the pressing questions of contemporary life, to which our literature has given itself up with noble ardour, distracted our writers from their promised participation in the anthology."

He understood full well what the real reason was: the democrats did not want to see themselves between the same covers as such odious figures as Nikolai Gretch, Osip Senkovsky and Rafail Zotov. Writers were unwilling to collaborate amicably even for the most generous and high-minded goal. So again no monument resulted.

Eighty years passed. In 1938 the building of the cemetery Church of the Vernicle was converted into a small foundry and became the main block of a works producing memorial sculpture. Monuments were made there — but not to Smirdin. The remains of those buried inside the church were moved to a

не только памятника не появилось, но и могилы не стало.

В 1957 году в брошюре, посвященной столетию со дня смерти книоторговца-издателя, Смирнов-Сокольский писал: «Существует проект освободить помещение, в котором находились библиотека и магазин Смирдина, для устройства в нем „Книжной лавки советских писателей имени Александра Смирдина“. Это будет прекрасным памятником». Но тогда у городских властей руки до этого не дошли, а сейчас... Добро пожаловать в сетевой ресторан «Две палочки».

Но мемориальная доска на стене дома, слава богу, свидетельствует: был Смирдин! ■

Смирдин был первым, кто открыл в России книжный магазин европейского уровня. Первый, кто стал платить авторам регулярные гонорары. Он был «основателем русской практической библиографии». Он начал издавать первый русский «толстый» журнал. И первый затеял книжную лотерею.

Smirdin was the first to open a bookshop of European standard in Russia. The first to pay authors regular fees. He was "the founder of Russian practical bibliography". He began the publication of Russia's first thick periodical. And he was the first to run a book lottery.

Церковь Спаса Нерукотворного. С 1930-х годов — цех завода «Монументскульптура». Современная фотография. «Смирдину мы обязаны тем, что ныне литературные занятия дают средства к жизни и довольству посвящающих им свое время и способности. Мы помним, как нападали в современных журналах на это, как называли тогда коммерческое направление нашей литературы. Времена эти прошли, все поняли важность и необходимость вознаграждения за литературные труды, но честь, слава и вечная память тому, кто дал этому началу первое движение», — писала газета «Русский инвалид».

The Church of the Vernicle. From the 1930s a foundry producing monumental sculpture. Present-day photograph. "We have Smirdin to thank that now literary activities provide a living and even prosperity to those who devote their time and abilities to them. We remember the attacks in contemporary periodicals on this, as they put it back then, commercial tendency in our literature. Those times have passed; everyone has grasped the importance and necessity of a reward for literary labours, but honour, glory and eternal memory to him who gave a first start to this principle." Words from the newspaper *Russky Invalid*.

common grave. So, not only did no monument appear, but even his tomb was lost.

In 1957 a brochure issued to mark the 100th anniversary of the death of the bookseller and publisher Smirnov-Sokolsky stated: "There is a plan to free up the premises that once contained Smirdin's library and shop, so as to create there a 'Soviet writers' bookshop named after Alexander Smirdin'. This will make a splendid monument." But back then the city authorities did not get round to it, and today... welcome to a Japanese-cuisine chain restaurant!

But, thank God, there is at least a memorial plaque on the wall to remind us that Smirdin existed! ■

in such a way that between us we had Vasily Nikolayevich Semionov, an alumnus of the Lyceum, almost a classmate of Pushkin."

When he noticed this, Pushkin shouted across the table: "Hey, Semionov, today you're like Christ on Calvary!" — meaning between two robbers.

"I, of course, laughed louder than anyone," Gretch went on. Bulgarin, however, "was thrown into a state of absolute moral distress and choking with rage."

There were other instances of less than perfect mutual understanding, but on the whole "jollity and unconditional fraternity inspired this celebration." Towards the end of the evening those present unanimously agreed that each of them would make a gift to Smirdin of some work and he would compile an almanac from them.

They were as good as their word. The first part of the almanac *House-Warming* came out in 1833, the second the year after. Both were printed at the Plucharts' printing house on Bolshaya Morskaya.

A year later the same presses began printing the first issues of Smirdin's latest venture — the *Reading Library* — the original "fat"

Russian periodical with a wide variety of different sections.

A MONUMENT IN WORDS

Smirdin was buried on 19 September 1857 at the Volkovo cemetery, in a side-chapel of the Church of the Vernicle. One of the speakers ended his eulogy with this couplet:

*A splendid monument to Smirdin's life have we.
Although a man of the book, he was no Pharisee.*

But what monument was he referring to? No physical sculpture was dedicated to the publisher. His seven children did not even have enough money for a decent gravestone.

The mid-nineteenth-century literary community showed itself on the whole to be not ungrateful. As early as 1856 work began on gathering material for a three-volume fundraising publication, the profits from which were supposed to go to aid Smirdin. But the anthology came out only in 1858 and the title page proclaimed it to be "A publication of the St Petersburg booksellers for the benefit of the family of A.F. Smirdin and the erection of a monument to him."

The anthology sold poorly. Many literary big names of the day whose inclusion might